

АНАТОЛИЙ АГАРКОВ

ЛЯЛЬКА

ПСИХОЛОГИЧНО!

ТРОГАТЕЛЬНО! ПРЕКРАСНО!

Анатолий Агарков

**Лялька. Психологично!
Трогательно! Прекрасно!**

«Издательские решения»

Агарков А.

Лялька. Психологично! Трогательно! Прекрасно! / А. Агарков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905447-0

Мне бы жизнь свою, как киноплёнку,Прокрутить на много лет назад,Чтобы
снова стала ты девчонкой,Чистой-чистой как весенний сад...(В. Маркин)

ISBN 978-5-44-905447-0

© Агарков А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	17
3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Лялька Психологично! Трогательно! Прекрасно!

Анатолий Агарков

*Мне бы жизнь свою как киноплёнку
Прокрутить на много лет назад
Чтобы снова стала ты девчонкой
Чистой-чистой как весенний сад...*
(В. Маркин)

© Анатолий Агарков, 2018

ISBN 978-5-4490-5447-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Неделя проходила за неделей – барышни с гидравлики убрались восвояси, и в общежитии постепенно восстановилось неторопливое течение жизни, а воспоминания об их выкрутасах отошли в область местных преданий. Мы ничего не имели против, чтобы и о конфузах студсоветчиков массы забыли как можно скорее.

Оглядываясь на события тех дней, я все больше поражаюсь пропасти, которая разделяла реальную жизнь и наши фантазии о некоей студенческой демократии и мудрости раскрепощенных масс. Ни комиссия оформительская, ни весь студсовет не могли найти замену Савичеву, как ни бились – не было в природе второго такого. Впрочем, вопрос очень легко решила Галина Константиновна. Художница на досуге Лена Харчевникова вышла замуж и попросила семейную комнату у Гончаровой. Молодожен ее вызвался на оформительскую работу – планшеты натягивать, колотить стенды, ну и прочее, что прикажут. Вот так оформительская комиссия почил в бозе, уступив жизненное пространство семейному подряду. Молодая чета исполняла работу весьма качественно, но лишь исполняла – очень делу не хватало творческой активности Олега Савичева. В состав студсовета они не просились, да и мы их не приглашали, отдав во власть коменданту.

Еще более знаковой фигурой был пост председателя быткомиссии. Между профсоюзом и комсомолом факультета по поводу разгорелся жаркий спор – всяк желал видеть своего человека на столь лобном месте.

Маркин остановил как-то меня, топающего мимо комнаты общественных организаций. О, Господи, он собирается меня агитировать – мало ему подотчетного комиссара. А-а, комната семейная нужна своему человеку! Понятно. Что я могу тебе посоветовать? Приходи во вторник на заседание быткомиссии и проталкивай свое протеже в главные злодеи общежития. Ребята проголосуют – я разве против? Не этого от меня ожидал? А ты исключи меня из комсомола. Ну, будь здоров!

– Кого будем ставить вместо Черникова? – это Г. К. Гончарова.

– Кого старосты этажей изберут – их ведь целая комиссия вместе с сантройками. Предпочитаю человека самостоятельного и независимого.

– А если не сладишься? – ее губы кривит усмешка.

– Ну, уж круче Черникова вряд ли найдут.

Галина злится – ситуация ей не подконтрольна. Она могла бы на нее повлиять, поселив в общежитие семейного человека, и сказать – он будет главным по быту. Тогда никто бы не смог возразить. Ну, а теперь.... Приближался заявленный вторник, а у нее не было подходящей кандидатуры.

– Будь, по-твоему, – согласилась.

Избрали Серегу Старцева, старосту четвертого этажа – восстановившегося на второй курс после службы в армии, кандидата в члены КПСС, красавчика, горлопана.

Фестивальщика на должность председателя культурно-массовой комиссии вместо Хренова найти было достаточно просто. И такой нашелся, но пропала комиссия. Сам он и с большим удовольствием крутил диски на танцах, сам приглашал-встречал-проводил лекторов, сам гонял за билетами в кино и театры, сам... ну и так далее. Звали героя Валера Даниленко.

В целом, пережив кризис, мы пребывали в мире и согласии с жизнью и меж собой. Что бы там ни произошло в прошлом, но благоприятному климату студенческой жизни нашего общежития ничто теперь не угрожало, а сам студсовет надежно стоял на страже завоеванных им традиций.

Даниленко – политик или вроде того. Заспорил со мной о чем-то заведомо проигрышном и проспорила бутылку коньяка. Открыл ее вместе с коробкой конфет в комендантской вечером

в канун Международного Женского Дня, где крутил диски для танцующих в телезале. Двери открыты – у всех на виду выпили по стопарику, закусили конфетками. Валеру потянуло играть в журналиста.

– Мне не дает покоя вопрос: что приводит человека к успеху? Может быть, просто повезло? Как ты попал на профессорскую Доску Почета?

– Никогда не полагаюсь на случай или везение. Успех дела в том, что мне удалось набрать в команду толковых парней и направить их энергию в нужное русло. Результат всегда зависит от людей, а я хорошо умею в них разбираться. Знаю, что их интересует, чему они радуются, что вдохновляет и стимулирует. Ты не мог не заметить – у нас в студсовете нет равнодушных и лишенных организаторских талантов, разве что...., – я усмехнулся: взгляд мой должен был досказать – ты.

– Ты, шеф, диктатор, – коньяк развязывает ему язык.

– Исключено, хотя стараюсь все вопросы держать под контролем.

– Как расслабляешься? Ну, кроме этого...., – он щелкнул пальцем по бутылке.

– Расслабляюсь футболом, театром, кино.... Билеты у тебя беру на концерты.

– А в сердечном плане?

– И здесь все в порядке: оно имеется и готово любить.

– Есть у тебя своя философия?

– Своей философии у меня нет. Ну, разве что кое-какие принципы – например: пусть весь мир катится к черту, если ему это хочется, лишь бы я оставался человеком целеустремленным и самодостаточным. Мне нравится все держать под контролем: и себя и тех, кто меня окружает.

– И цель твоя?

– Коммунизм.

– Отлично сказано!

Мы выпили за светлое будущее всего человечества.

За этим занятием нас застала симпатичная девушка с первого курса.

– Ребята, можно я у вас ключ оставлю – карманов нет, а хочется потанцевать.

Вспомнил, как она осенью заселялась – Галине понравилась:

– Смотри, Палундра, какая красавица, а ты все ходишь неженатый.

Красавица стрельнула в «неженатого» быстрым взглядом чуть раскосых глаз, тряхнула гривой шикарных волос и удалилась. И позабылась. Теперь можно признать – она мне тогда понравилась тоже.

Очень хороша – вздыхаю с одновременно горестным и сладострастным сожалением. То, что она сюда зашла – случайное совпадение. Впрочем, никто не запрещает мне восхищаться ею издали. Ни мне, ни ей это ничем не грозит – ведь правда, ГК? И если досижу до финала танцев, то смогу услышать ее «спасибо». Я покусываю губу в предвкушении и, как школьник, глупо улыбаюсь.

Даниленко в экстазе:

– Шеф, ты или я? Кто к ней пойдет? Она намекнула – в комнате сегодня одна.

Как ни грустно, надо признать – массовик-затейник наш пошловат.

Я беру ключ, а в голосе прорезаются командирские нотки:

– Успокойся, жуанодонт.

Коньяк мы допили, конфеты съели, и где-то в начале первого часа ночи танцы закончились. Народ разошелся по общежитию, дежурные уборщики заполняли телезал вынесенными в коридор стульями. Появилась первокурсница в комендантской.

– Где мой ключ?

Я поднимаюсь:

– Можно вас проводить?

Будто идти нам в ночной город, а не по коридору с десятков шагов.

– Конечно, – отвечает она, бросив тревожный взгляд.

Но меня не шатает – шагаю уверенно до ее комнаты.

– Чайком угостите?

– Да, заходите, – бормочет она извиняющимся тоном.

Пытаюсь снять напряжение беспечной улыбкой и открываю ключом ее дверь. Она хлопчет над чайником и говорит, между прочим:

– Про вас все судачат, что вы очень опасный человек. Особенно для первокурсниц.

– Почему для первокурсниц? А остальным?

– Я имею в виду невинных девушек, – говорит она немного раздраженно.

И я не пойму почему.

– Поверьте, мы просто выпьем чаю. Но, если это вас напрягает, я уйду.

Она жестом приглашает к столу. Присаживаюсь и начинаю терзаться – о чем говорить? какую тему предложить к такому ее настрою?

– Как вас зовут?

– Оля.

– Хотите, угадаю, о чем вы думаете?

Она залилась краской. Конечно, она думает – неплохо бы закадрить неженатого председателя, которого обожают и ненавидят все девчонки общежития.

– А у вас девушка есть? – вдруг спросила она.

– Нет, Оля, девушки у меня нет и быть не может, – отвечаю печально.

– Почему? – она смотрит мне с жалостью прямо в глаза, и я выдерживаю ее тревожный, прожигающий насквозь взгляд. Это длится целую вечность, но, в конце концов, я перестаю замечать что-либо, кроме ее прекрасного рта. Как же мне хочется нарушить данное впопыхах обещание – ничего кроме чая. Мне хочется почувствовать вкус ее губ. «Поцелуй же меня сама! – мысленно умоляю, глядя на красиво очерченные уста. – Пожалуйста, поцелуй меня».

Оля закрывает глаза, глубоко вздыхает и слегка качает головой, как бы в ответ на мою мольбу. Когда она снова открывает глаза, в них читается стальная решимость – умру, но не поцелую без любви.

А в воздухе висит ее вопрос. Боже, не жаловаться же на то, что я любовник ревливой и властной женщины, которой за сорок.

– И тебе лучше держатся от меня подальше: я не тот, кто тебе нужен.

– С чего вдруг? Это мне решать, – она хмурится, не в силах поверить, и, не дождавшись ответа. – Спасибо, что предупредили.

– Оля, я..., – мне грустно: чай выпит, пора уходить.

– Да, Анатолий....

Кажется, я не представлялся, но суть не в этом. Грусть моя от потери чего-то, чего у меня не было. Как глупо. Глупо горевать о том, чего не было, – о несбывшихся надеждах, разбитых мечтах, обманутых ожиданиях. Ах ты, прекрасная первокурсница, что же ты со мной сотворила!

«Прекрати, немедленно прекрати! – кричит на меня мое подсознание, уперев руки в бока и топая от негодования. – Шлепай отсюда, забудь про нее: у тебя же обет безбрачия до диплома. И что будет завтра с первокурсницей Олей, если узнает ГК о твоём визите сюда?»

Я делаю глубокий вдох и поднимаюсь со стула. Соберись, старшина, хватит мечтать о несбыточном. Надо что-то сказать на прощание.

– Оля, я....

– Я тебе нравлюсь?

– Да, да, да, да....! – на каждый шаг к ней.

Наши губы в поцелуе....

Наутро я не чувствовал себя Ланселотом. Мое подсознание снова поднимает свою злобную голову: «Что же ты натворил, подлец!». Трудно не обращать на него внимания.

Из Копейска прикатили Понька с Зязевым:

– Вставай, пойдем отка пить!

Я одеваюсь, и мы топаем в залитый солнцем город. Настроение такое, что хочется напиться до бесчувствия. Меня начинает подташнивать от нетерпения. Предвкушение даже пьянит. Или это вчерашний коньяк заблудился в крови?

Мне нужны выпивка и компания, чтобы не оставаться наедине с мыслями о вчерашнем. Хорошо, когда есть чем заняться. Можно думать и о своем, но не слишком серьезно. Громкая музыка из парка тоже отвлечься помогает. Мое подсознание сердито ворчит: «Допрыгался, твою мать!» Я не обращаю на него внимания, однако в глубине души признаю: в чем-то оно право. Лучше пока об этом не думать и сосредоточиться на предстоящем. Слава Богу, о вчерашнем парни не знают, а то было бы разговоров.

В парке праздник, гуляют люди, и Боярский скрипучим голосом призывает народ порадоваться вместе с ним красавицам, клинку и кубку. Как устоять?

Парни заходят в магазин, а меня задержала сигарета. Еще две затяжки и... Вдруг вижу мою вчерашнюю первокурсницу с каким-то парнем – высоким, плечистым. Челюсть падает на тротуар. Я стою у них на пути, не зная, куда себя деть. Мне страшно неловко и неудобно.

Быстро взглянув на меня встревоженными глазами, Оля отворачивается. Они мимо проходят. Слышу его яростный голос:

– Я не люблю делиться, запомни!

Кто же любит? Хотя его фраза мне очень не нравится.

Они сворачивают на перекрестке, и мне сразу захотелось одиночества, когда никто не отвлекает – столько всего надо обдумать. Голова уже чуток кружится, переваривая новую информацию. Кажется, я зря волновался по поводу вчерашнего, но почему-то вдруг почувствовал себя покинутым и одиноким? В горле застрял комок.

А вот подсознание отрешенно сидит в позе лотоса, и лишь на губах у него хитро-довольная улыбка. «Очень мило с твоей стороны», – это я ему признательно. Оно наклоняет голову и поднимает брови, делая вид, что изумляется моей глупости. «Ты выглядишь немного... обалдевшим», – говорит. «Так оно и есть – жизнь, как видишь, не дает расслабиться»....

Тут друзья с покупками.

Через пятнадцать минут мы накрываем стол в нашей комнате, отметить бабешкин праздник. Водочка, хлеб, колбаска и какая-то по телеку муть. Жаль, нет гитары!

В дверь постучали. Мы не запирались, но Поня встал и открыл. Вернулся:

– Командор, там тебя....

Оля! В слезах....

Я смотрю на нее с изумлением. Господи, только не плач! А то я сейчас сам разревусь. Еще минуту назад душа пребывала в блаженном спокойствии. И такой парадокс!

Снова вспоминаются вчерашняя ночь и сегодняшнее утро. Нужны ли мне эти катализмы? «Нет!», – кричит подсознание, а разум задумчиво кивает в знак согласия. Слово интуиции... Молчит, зараза!

Хочу ли узнать, что привело Олю в таком состоянии к нашим дверям? Стыдно признаться – чего-то боюсь. Я делаю глубокий вдох и с бьющимся сердцем:

– Что стряслось?

– Это был Комиссар. Мы встречались весь первый семестр, а теперь я хочу встречаться с тобой!

– Он тебе угрожает?

– Нет. Сегодня мы окончательно расстались.

Меня снова слегка подташнивает, и, честно говоря, я потрясен до глубины души. Неужели она не поймет, что все не так просто? Да и надо ли это мне? Готов ли я? Смогу ли?

Черт... мне надо побыть одному. Надо подумать. Но в комнате парни, здесь она...

Делаю глубокий успокаивающий вдох-выдох и приглашаю ее войти.

Она входит, изящная, красивая, в глазах ни слезинки – будто Королева удостоила поданных на празднике в честь Дня Рождения ее Величества.

– Я не напрашиваюсь, но вашему торжеству не хватает именинницы.

Подвыпившие парни вскакивают из-за стола с изумленными лицами. Суется: не знают куда посадить, чем угостить – вообще, жуть! – будто пойманы с поличным на месте преступления.

Зязев наливает в стакан водки. Оля от водки отказывается. Пива? Пива можно. Оба хватают по трехлитровой банке и оставляют нас одних.

– У вас весело, – замечает гостя.

Было... – мелькает у меня в голове.

– Может, чаю пока? – предлагаю.

– Нет, спасибо, Анатолий.

Она, наблюдая за мной, слегка склоняет голову набок – на лице обворожительная, чуть застенчивая улыбка.

– Значит, ты хочешь со мной встречаться? – как-то бестактно я это ляпнул и тут же пожалел. И как теперь выпутываться? Вряд ли стоит говорить, что я пошутил.

Она смотрит в мои глаза, хлопая ресницами и покусывая губу.

– Тебе надо время подумать?

Вот черт! На вчерашнее намекает. Я краснею и не могу отвести глаз от ее красивого рта, скульптурно очерченного пухлыми губками.

– Можешь не отвечать. Просто подумала, что нужно прийти и рассказать, как было и чем закончилось.

Ох, ни фиги себе! Девушка-то не проста. Я ведь почти не знаю ее.

– Тебя заводит, что такой я порочный в рассказах девчонок общежития?

– Нисколько. Думаю, сама разберусь, что к чему.

Мне что-то сегодня не хватает слов. Кажется, впервые в жизни.

– Я не хотел тебя обидеть.

– А я не обиделась. Слезы это так – пропуск на вход.

Я смущаюсь и краснею.

– Мне хочется тебя поцеловать.

– Это ответ на мое предложение? Тогда можно чай.

Безуспешно пытаюсь скрыть улыбку.

– Слушаюсь, ваше величество.

Готовлю чай, и за это короткое время мои мысли и чувства резко меняются. Я принял решение – буду встречаться с этой девушкой: не хочу уступать ее комиссарам. А с ГК поговорю и объясню – жизнь есть жизнь: когда-нибудь нам все равно придется расстаться. Сложив на груди руки, подсознание качает головой: «Ой, быть грозе!»

У нас по-прежнему не закрыта дверь, но в нее стучат. Вернулись парни с пивом, и еще купили целый ворох копченых спинок минтая. Пробовали? С жигулевским – отпад!

– Кто сказал, что романтика умерла? – вопит Зязев, допивая водку, и предлагает играть в жмурки.

Мы сдвигаем стол, завязываем ему глаза и мечемся по комнате, гавкая, хрюкая, мяукая... Короче, балдеем, как в детском саду.

И тут Серый Волк выпрыгнул из куста на расшалившихся поросят...

Без стука в комнату врывается Гончарова. Ой, как она орала!

Зязеву:

– Пьяница залетный! Пошел вон отсюда!

Поньке:

– Тюхтя бесхребетная! Всегда у председателя наповоду!

Оле:

– Малолетка шалавая! Я тебя выгоню из общежития!

Мне по щекам – левой-правой, левой-правой:

– Бабник! Бабник! Бааа...

Она орала и рыдала, будто самоистязалась.

Что говорить? Семейная драма, да и только.

Все исчезают, ГК уходит, бабахнув дверью. Я ложусь в постель и сразу же засыпаю глубоким, но беспокойным сном. Много информации для размышления? Да.

Просьпаюсь среди ночи отчаянно голодным. Кем бы заморить червячка? Во всех тумбочках пусто. Только у Сазикова в литровой банке домашнее варенье из облепихи. Я его прям через край, запив водой из графина. Снова в кровать и спать.

Ясности мышления нет и утром. Впопыхах собираюсь на военку – не умывшись, не побрившись, даже не позавтракав. Все равно опоздал – батарея стоит на разводе. Через стеклянные двери знаками командиру первого отделения – Валера, доложи за меня: я в секретную часть за чемоданом.

Мне нужно многое обдумать, и лучше это сделать наедине с самим собой и своими мыслями. Но первая пара самоподготовка, и командир взвода (т.е. я) на лобном месте под прицелом тридцати пар любопытных глаз. У меня портится настроение – хотя, казалось: куда же еще? В висках стучит кровь, не давая сосредоточиться.

Черт возьми, цепь совершенно неожиданных событий, и получилось то, что имеем. Я не смогу (не сумею?) сделать вид, что ничего не случилось. Сердце болезненно сжимается – какой неожиданный поворот судьбы. Подумать только: на веса брошены карьера и честь. Как поступить, сохранив самоуважение? Болезненна и неприятна мысль, что я не в силах ничего изменить.

Вспомнилась Оля – Господи, как она? А ведь я предупреждал: держись от меня подальше. Тупо пытаюсь придумать слова, которыми смог бы все объяснить. Но еще не уверен, что у меня вообще хватит смелости к ней подойти после такого.

В аудитории что-то творится – народ переглядывается, перешептывается и во все глаза глядит на меня. Гул возбужденных голосов становится все громче и громче.

Меня это начинает доставать.

– Хотите заняться строевой подготовкой? Тогда засуньте свои языки...

Перемогли первый час, потом перерыв. Я все сижу за кафедрой. Вначале второго часа уступаю место дежурному:

– И чтоб я в галюне слышал, как у вас мухи летают.

Покурил, заглянул в зеркало и – да етижь твою мать! – буквально закипел от негодования. Думаю, мое подсознание в ту же секунду хлопнулось в обморок. Вот стервецы! Вот над чем они потешались битый час в аудитории. У меня на усах с обеих сторон прилипли две горошины облепихи.

Хочется весь взвод положить поперек колен – у меня возникли серьезные планы на их задницы. Подсознание солидарно – вернувшись из обморока, причмокивает губами и просто светится от предвкушения экзекуции. Оно подпрыгивает, как ребенок, которому пообещали мороженое.

Короче, не в шутку злой помчался в аудиторию. Ох, не фигу себе – там уже начальник строевого отдела Довгань. Он пыхтит, глядя на меня:

– Взвод шумит на всю кафедру, а командир где-то шляется!

- Виноват, товарищ майор – живот прихватило.
- Если еще хоть писк услышу..., – он скрывается за дверью.

Злости моей как не бывало. Похоже, и у подсознания отобрали мороженое. Мы вместе хмурим брови:

- Что же вы, братцы, а?

Кафедральная тишина лопнула громовым хохотом. Тут как тут свирепый Довгань:

- Да вы что, издеваетесь? Ну-ка, встать! Выходи строиться!

Следующие полчаса мы самоподготавливались на плацу.

День заканчивается – близится роковой час, когда я озвучу принятое решение. Сегодня понедельник – в 20—00 в Красном Уголке заседание студсовета. Подсознание мое в печали. «Остановись, что ты делаешь!» – умоляет. Что? Как будто у меня есть выбор. Мысленно посылаю его куда подальше.

День выдался долгим – сплошные нервные потрясения. И, наконец, финал!

Я здороваюсь с ребятами как обычно, но за моим внешним спокойствием скрывается море чувств. Сажусь в председательское кресло, хмурюсь, собираюсь с мыслями. «Почему ты это делаешь?» – рыдает подсознание. «Делаю, потому что могу!»

– Уважаемые коллеги, вынужден сделать заявление. В виду сложившихся обстоятельств слагаю с себя полномочия председателя студсовета. До разрешения конфликта или перевыборов мои обязанности будет исполнять замполит Подкорытов Сергей Геннадьевич.

Чувствую, как к горлу подступают слезы. Как ни странно, мне удастся удержать себя в руках. А вот подсознание каким-то образом покидает Красный Уголок раньше меня.

Поднимаюсь в комнату, бросаюсь одетым на нерасправленную кровать. Вот и все! Студсовет, комендант, авторитет – все это в прошлом, все потерял. Приобрел лишь симпатичную первокурсницу.

Через час заявляется Понька. Пьем чай, предаемся воспоминаниям, хихикая, как подростки. Славными были эти два года.

Наконец, Сергей заявляет:

- Без тебя студсовета не будет в нынешнем его составе.

Он говорит так печально и смиренно, что у меня сжимается сердце. Хочется его обнять и утешить. А также могу адекватно заметить, что и меня прежнего уже не будет без студсовета. Но почему-то сказал совсем другое:

- Знаешь, чему удивлен? Что меня так скрыто отслеживают. Даже не замечал.

Хорошо выспавшись, открываю глаза ранним серым утром и лежу, уставившись на клен за стеклом, у которого скоро набухнут почки. «Попрут тебя из этой комнаты», – сварливо замечает подсознание и поджимает губы. «Может быть, но не сегодня». Тяжелое, зловещее предчувствие висит над моей головой темной грозовой тучей.

К черту! Не пойду на занятия....

Стук в дверь. В комнате я один. Придется вставать.

Натянув трико и тельник, открываю. Девушка.

- Оля ангину подхватила. Просит проводить до дома, в Розу.

- Скажите – сейчас буду.

Оля одетая лежит на кровати, виновато улыбается и сипит:

- Голос потеряла, температура тридцать девять.... Проводишь?

- В студенческую поликлинику не хочешь?

- Дома лучше – у меня любящая тетка главврач больницы.

- Тогда, конечно. Едем сейчас?

Подаю Оле пальто – идем на троллейбус.

- Думала, ты побоишься ко мне прийти. Значит, теперь я твоя подруга?

- Похоже на то, – я подмигнул. – Ангина – это от пива холодного?

– Наверное, – она улыбается. – Ты завтракал?

– Не успел.

– И на вокзале в пельменной не сможем – через сорок минут автобус. Ну, ничего, у нас поедим.

Мы уже сидим в троллейбусе. Я наклоняюсь и шепчу ей на ухо:

– Не будем суетиться – пошадим отеческие чувства твоих родственников.

Она не верит, что я серьезно – бросает на меня взгляд, в котором ясно читается: «Не глупи!»

Разъясняю позицию:

– Оля, могу принять твое приглашение в твою квартиру или комнату в общежитии, но в дом твоих родственников без их приглашения я не войду.

– Странно. Почему? Ты меня стыдишься?

– Конечно, нет. Но есть этикет. Ты извини.

Потом были вокзал, автобус, дорога и, наконец, шахтерский поселок Роза, которая была Люксембург.

– Выздоровливай, – прощаюсь у подъезда ее дома.

– Непременно, – смущенно бормочет она, все еще надеясь, что я останусь. Потом сует мне записку в ладонь. – Вечером позвони.

Вечером на переговорном пункте.

– Привет, – улыбаюсь в трубку. – Как здоровье?

– Пошло на поправку. Скучаешь?

– По твоим губам.

– Значит, тебе нужны только они?

– Еще не решил.

– Ты поел?

– На часах девять вечера... Как ты думаешь?

– Я рассказала родителям, какой ты противный. Папа отметил – настоящий мужик. Мама обиделась – мог бы зайти.

Пытаюсь осмыслить реакцию ее родственников.

Для отца нет ценностей дороже чести дочери. Всякие там приятели-друзья должны оставаться на своих местах. Молодой человек, переступая порог дома отчего своей подруги, делает заявку на серьезность отношений.

Для матери я, скорее легендарный председатель лучшего в области общежития, и, наверное, это моя обязанность – провожать домой прихворнувших девиц. Если не всех, то лучших из лучших. Как ее дочь....

Вот так мы воркуем битый час, а подсознание повесило табличку на дверях своей комнаты «Не беспокоить!». Какие-то у него напряги с Олей.

Роль миротворца в нашем конфликте с комендантом взял на себя Альберт Захезин, неосвобожденный секретарь парторганизации факультета. Нормальный мужик – мы с ним ладили всегда. Теперь в его голосе нет теплоты – температура упала на несколько градусов.

– Похоже, вы оба погорячились. А дело страдает....

Вылезло подсознание, тоже осыпает меня упреками, но я его затыкаю: «Ты-то, господи, куда лезешь?»

Мысленно прикидываю перипетии предстоящего разговора. Хочу ли я примирения с Гончаровой? Не могу даже притвориться, что да. Хочу ли я вернуться в студсовет? Конечно, но при условии, что мне не придется контактировать с комендантом. А поскольку сие невозможно, то.... напрасны хлопоты ваши, Альберт Михайлович.

«В этом-то вся суть», – объясняю подсознанию. Оно горестно вздыхает. Прихожу к убеждению, что однажды мы с ними таки сможем поладить.

– Иногда в его интересах, приходится наступать на горло своему самолюбию. Ведь мы коммунисты, – убеждает Захезин. – У нас есть партийная дисциплина.

Ну и что мне на это ответить? Подсознание с невинным видом пожимает плечами.

– Неужели так плохо все? – вопрошаю невинно.

Парторг вздыхает:

– Хотел бы я знать, что у тебя на уме.

Ситуация начинает нервировать. Понимаю: он может поставить вопрос о моем членстве в партии. Неприятное и угнетающее открытие. Вот и подсознание глубокомысленно кивает, на его лице написано: «Наконец-то дошло до тебя, дурочка, какую кашу ты заварил!»

Захезин смотрит на меня и хмурится.

– Мы разговаривали о тебе с деканом. Нам абсолютно нечего предложить тебе в плане другой работы. Сам-то думаешь, чем заниматься, если уйдешь из студсовета?

– Подумываю в СНО (студенческое научное общество) записаться, спортом заняться, отличником стать, – отвечаю с легким сарказмом.

– В СНО? – переспрашивает.

– Хочу проверить на практике свои инженерно-технические способности. А то вручат диплом.... Куда махнуть?

– Махни в деревню!

Это слова из веселой студенческой песенки, но, похоже, он в ярости. Вот черт!

– Если я поставлю вопрос ребром? – Захезин говорит спокойно, хотя явно сдерживает гнев.

Я без эмоций:

– Поеду служить мичманом в пограничный флот!

Парторг сердито прищуривает глаза, потом, похоже, приходит в себя.

– Этот разговор еще не закончен, – шипит он с угрозой и уходит.

Бред собачий! Было бы из-за чего брызгать слюной.... Лучше бы он ГК поучил культуре общения со студентами. Я смотрю в его спину свирепым взглядом.

Альберт поставил вопрос ребром на факультетском собрании коммунистов.

Замечательное собрание, лучше не бывает! Хмуро сажу, слушаю, а меня перевоспитывают на все голоса. Во главе угла не конфликт с комендантом, а гордыня моя, которую срочно надо ломать. Как эхо партийного бюро в 15-ой ОБСККа (отдельной бригаде сторожевых кораблей и катеров) четыре тому года назад. Вот делать-то людям нечего!

– Что скажите в свое оправдание?

В свое оправдание? Нашли мальчика для битья! Я поднимаюсь:

– В интересах дела, хотел уйти без скандала, так как комендант для общезнания более значимая фигура, чем председатель студсовета. Но раз вы вопрос ставите так, то я подниму его в обкоме комсомола и горкоме партии. Вопрос о взаимоотношениях администрации и студентов на примере второго общежития....

Вот так! Скушали меня? Хреном не подавились, товарищ Захезин? Может, постучать дружески по спине? Как сейчас не хватает собранию вашего заразительного смеха. Мы бы все вместе посмеялись и весело разошлись.

Почувствовав, что потерял аудиторию, парторг сворачивает собрание и обещает вернуться к теме на общеинститутской конференции коммунистов, о дате которой во всех корпусах висят объявления. Вот же неймется человеку!

Декан демонстративно останавливает меня в дверях, интересуясь мнением по поводу приемника на посту председателя. Он молодец!

– Думаю, студсовет выберет Старцева, – отвечаю.

И вот конференция.

Мое подсознание пало на колени и дрожит. Советчик, твою мать!

Однако Захезину хватает благоразумия не выносить сор из избы. Но и без него было интересно. Маленький толстый лысый декан автотракторного факультета ругает с трибуны в микрофон наш ДПА. Мол, как Боги живут – огромные отчисления государства на научную работу, у студентов самая высокая в институте стипендия и общежитие с балконами. А деньги на ветер – из поступивших защищаются едва лишь треть. Многие наши недоучки на АТ успешно получают дипломы....

Ну, где ты, парторг Захезин? Иди, отвечай на наезд.

К трибуне выходит маленький толстый патлатый завкафедрой «Летательных аппаратов» Гриненко Николай Иванович, про которого говорят, что свою докторскую диссертацию он надыбал из дипломов. Ох, и талантливы же наши студенты!

– На стройках народного хозяйства работают бульдозеры и краны – «Като», «Каматцу», «Катерпиллеры».... Ну и так далее. Чья это техника? Японская, американская.... Еще есть самосвалы «Магирусы» из ФРГ. Это показатель вашей работы, уважаемый, – кивает предыдущему оратору Николай Иванович. – А кто нам ракеты продаст? Чем мы ответим на возможный удар? Молчите? То-то.... Оборонный щит только сами можем создать. Поэтому вы штампуете инженеров, а мы уж – позвольте нам – выпускаем специалистов.

Гриненко рукоплескал зал – так держать, ДПА!

На отчетно-перевыборное собрание в общежитии я не пошел – и не было представителей ни профсоюза, ни комсомола, ни деканата.... Только одна Гончарова сама от себя – кажется, она поджидала меня, но напрасно, увы. Отказались войти в новый состав студсовета Понька, Кошурников и Борька Калякин. Председателем был избран Сергей Старцев.

Для меня это слишком серьезно и важно, чтобы плюнуть, растереть и забыть. Возможно, когда-нибудь сяду и напишу политброшюру «Студенческое общежитие, как зеркало советской действительности», посвятив ее демократии на бумаге, в реальности и сознании.

То, что мы строили с Поней два года, Сергей раздолбал за день или два. Никаких комиссий – ему так удобно. Никаких заседаний кроме разборок с комнатами нарушителями санитарного состояния – в те дни и часы, когда он захочет. Сам проверяет (по слухам – счета сводит), сам выселяет, сам себе председатель и студсовет. Пофигу писанные на планшетах законы – слово против никто не молвит.

О, Русь святая! Кто и когда тебя так запугал?

Понька насовсем перебрался в Копейск. Теперь в нашей комнате сплошные спортсмены. Мне, когда выпить приспичит, приходится уходить к Иванову с Кмитцем.

Мы цедим пиво, Серега рассказывает:

– Вчера в общаге был Железнов – сводил с кем-то счета. Отошли в конец коридора, свет притушили и дрались, как черти.

– Как коты визжали, – добавляет Кмитец.

– Это новый вид борьбы, карате называется, – проявляю свою информированность.

Час спустя, моя нижняя челюсть стучается о колени. Мы, допив пиво, сходили в ресторан и купили на вынос сорокоградусной. Распить ее, а заодно порадоваться теплоте весеннему вечеру заглянули в детский парк «Гулливер». И вот он, Железнов с компанией – парни, девушки. Они защитились в феврале, а в марте собрались что-то отметить – может быть, чей-то день рождения.

Мы мирно сосуществовали до их защиты, а ныне Железнова гордыня пучит.

– А ну пошли, салабоны, отсюда!

Но я еще не потерял дар речи.

– Космический инженер Шелезяка! А ты-то откуда здесь?

Его улыбка моментально гаснет, а на лице вскипает кровь. Я не знаю, на что он способен, но готов ко всему.

– А-а, председатель! Ну, привет, – будто для рукопожатия протягивает мне руку и бьет по лицу.

О, Валерочка! Я в экстазе! Давненько не чистил козлам морду. А теперь не скучай.

Получай! Получай! Получай!

Плевать, что их втрое больше. Впрочем, барышни не в счет.

Закрутилась карусель – мат, удары, визг девичий оглашают «Гулливер». В висках бешено колотится кровь. Господи, сколько адреналина! Как же мы раньше-то скучно жили! Последнее время мне и в голову не приходило такое вот развлечение на досуге. Отличная разрядочка после стресса нервного. Эй, Железнов, зажиматься кончай!

Получай! Получай!

Какая приятная концовка вечера. Да и вечер такой чудесный. Зацени.

От пинка в живот Железнов выпускает из нутра воздух и оседает, словно старый мешок. Посиди, родной, сейчас Серому пособию и к тебе вернусь.

Дракой невозможно пресытиться. Я бы дрался с утра до вечера, лишь бы было, кого бить. Так восхитительно, страстно, так сокрушительно, так волшебно! Голову напрочь сносит в вихре рукопашном.

Ну, что, отдышался, родной? Я вернулся, как обещал. Вставай, пинка под зад получай и прощай.

Получай!

2

Стук в дверь. Оля в слезах. Дежавю....

Я судорожно вздыхаю, словно в живот заехали ногой.

– Что стряслось?

– Пальто украли!

Подсознание злорадствует: «Растеряха!»

Мне не нравятся нытики, утешать не люблю и не умею – ничего не могу с собой поделывать.

Чьи-нибудь жалобы или слезы лишают покоя, рождают чувство вины.

– Когда приехала?

– Сегодня, – она размазывает слезы по щекам. – Пошла на кафедру, охранник не пустил в верхней одежде. Оставила на подоконнике возле комнаты общественных организаций – там полно всяких курток – вернулась, а пальто нет....

– Тебя бы отшлепать.

Оля моргает и пристально смотрит на меня. Ужас! Ее дома ни разу не били. Бескорыстная любовь – дар, который получают от родителей все дети. Она уверена, что иначе они и не могут, ведь ее потребность в любви и заботе находит в их сердцах горячий отклик. Они считают, что милый ребенок заслуживает всего самого лучшего в жизни и ничего для этого не жалеют.

Нет, не ужасно, а заслуженно и полезно – говорит мой взгляд.

И подсознание подстрекает: «Всыпь ей, сыпь!»

– У меня были планы на этот вечер вместе с тобой.

– Какие планы?

– Если не найду что надеть, никаких....

Вечером Оля появляется экипированная для прогулки по городу. Она взволнована и, словно мальчишка, рвется в бой. Ее воодушевление заставляет меня улыбнуться.

– И что будем делать?

– Мы идем в кино вместе с моей группой!

Я не могу сдержать усмешку:

– Будешь меня демонстрировать?

В ответ Оля закрывает рот и тщетно пытается хмуриться. Я вижу, как в глубине ее глаз мелькают веселые искорки.

– Твое самомнение не знает пределов.

Подсознание пророчит: «Комиссар со товарищи кому-то сегодня накостыляют».

Встретились у кинотеатра, познакомились. Две-три девочки и много парней – обычная группа ДПА. У меня плохая память на лица. Не могу утверждать, что этот вот здоровяк, весьма дружелюбно протянувший мне лапу, Комиссар. Он заговорщески подмигнул, кивая на Олю:

– В последнее время никакого с ней сладу.

Никакого сладу? Вот это да! Кажется, намек на какие-то обстоятельства.

Оля мгновенно улавливает мое напряжение и снимает его:

– Это Саня – наш староста.

Она действительно заводила в компании – так метко и весело комментирует происходящее на экране, что слышится смех не только среди ее друзей. Я и сам смеюсь вместе с ними.

Потом шепнула:

– Это я тебе показала, какой я бываю, когда несерьезная. Но могу быть серьезной.

– В субботу такая возможность у тебя появится – мы гуляем на свадьбе.

– Ты представишь меня, как свою девушку?

– А разве ты не моя девушка?

– Если это правда, я счастлива! – Оля неистово прыгает в своем кресле и хлопает в ладоши. Можно подумать, ей двенадцать, а не семнадцать!

– Наша цель – угодить клиенту, – я возвращаю глаза экрану.

Студенческая свадьба – это нечто! Это квинтэссенция изобретательности. Например, Олег Головин из бывшей моей дофлотской группы организовал свою так. От входа в общежитие до его комнаты были развешены указатели: «Свадьба в комнате №408. Всяк приходи со своим горячим». Жених встречал и потчевал гостей, невеста на кухне варила картошку в двухведерной кастрюле. Общага вся гудела неделю, пока ГК не завопила:

– Палундра, кончай это безобразия!

От имени студсовета я подарил им два билета в цирк-шапито:

– Не пора ли молодоженам в свадебное путешествие?

В субботу Света Аверина из нашей группы выходит замуж за Юрку Гарася, моего дофлотского однокашника, который защитился месяц назад. Денег в обрез – свадьба нужна. Сообразительный инженер предложил избраннице:

– Ты приглашаешь, кого хочешь видеть из моих друзей, я из твоих.

Юрка выбрал меня, Светка... Всего за стол в ресторане отметить событие сели восемь человек, включая виновников торжества.

Гарась тост произнес:

– Немало лягушек перецелуешь прежде, чем встретишь царевну....

Я Оле жестом – прям про меня.

Она на ухо шепотком:

– Все бабники так говорят.

– Да ты чо?! Надо открыть Свете глаза.

Но вместо этого Оля берется открыть шампанское, а я гадаю – серьезную она сейчас роль играет или нет. Хлопок, рикошетом от потолка абордаж на столе – и все в майонезе. Роль несерьезная.

– Не виноватая я – пробка дурацкая.

На День Космонавтики Оля сказала, что у нас будет малыш. Стало быть, меня ждет участь отца. Предвкушение ожидаемое, но маломажорное. Короче, попадос!

Не бросился к ней сломя голову, словно путник к оазису в пустыне. И соответствующая мина на лице.

– Надо узаконить наши отношения. Как насчет свадьбы?

Наверное, не так эти дела творятся, да опыта маловато.

– Вместе по жизни до самой смерти? – спрашивает Оля.

Мне кажется, она разочарована. Я наблюдаю за ней, переваривая информацию и прислушиваясь к собственным ощущениям. После признания и моего непафосного предложения, Оля кажется потерянной, грустной и очень одинокой, но, возможно, все дело в ее положении, которое в народе называют «залетом». Мне хочется обнять ее, прижать к груди и как-то утешить.

– Вот теперь у меня есть предлог съездить к твоим родителям без приглашения.

– Боишься ударить в грязь лицом перед идеальным семейством?

– Можно сказать и так, – уклончиво отвечаю. – Но больше хочется взглянуть на тещу, чтобы знать, что меня ожидает к годам твоим этак Сколько ей?

В ближайший выходной мы покатали свататься в Розу.

Как только вошел в отчий дом избранницы, сразу понял, что «в таком кине я еще не снимался». «Монтана!» – как любил восклицать Олег Савичев. Высокие потолки просторных комнат, солидная мебель....

А на мне расклешенные не по моде штанцы, шитые общежитским умельцем, да свитерок. Что же Оля-то не настояла на пиджаке с галстуком? Подсознание ворчит: «Самому-то в напряг допетрить? Сваток!»

Что-то гнетет, но не пойму, в чем проблема. Или меня раздражает чужой достаток? Раньше такого не замечал за собой. Правда, еще и не сталкивался близко с людьми такого высокого социального уровня. Или это глубинные комплексы? Несоответствие, так сказать, сознания бытию...

Кто предупрежден, тот вооружен, гласит латинская поговорка. Ирина Ивановна была наряднее и даже выглядела красивей своей семнадцатилетней дочери. Но вот о цели моего визита Оля родителей не предупредила. Отец ее, говорила, в прошлом боксер. Подсознание тут же напророчило: «Лежать нам в нокауте».

Познакомились, руки помыли, сели за стол. Самая большая косточка с мясом в моей тарелке борща смотрится аппетитно. Сейчас, сейчас... – предвкушаю я, но чертово подсознание провоцирует: «Сейчас или никогда».

Я поднимаюсь:

– Уважаемые Ирина Ивановна и Виктор Киприянович, прошу руки вашей дочери.

Кандидата в тесты, будто пружиной выбросило из-за стола.

– Вы с ума сошли? Первый курс! Какая женитьба?!

Возможная теща:

– А вы ее любите?

Черт, облажался! Такую деталь упустил. И еще цветы кандидату в тещи.

Мысли путаются. Подсознание печально качает головой: «Что с тебя взять, плебей несчастный!». Сватовство явно не задалось. Мне хочется выйти вон. Кажется, и тесть не прочь был помочь – в смысле, вышвырнуть за порог. Но в руках у меня убийственный козырь – желание и сердце любимой дочери. Оля держится, она хмурится, но не плачет – на лице гамма чувств. И все же ощущаю ее молчаливую поддержку.

Долгие бессмысленные уговоры, упреки... Родители – понять можно.

Наваливается смертельная усталость, и я хочу одного – поскорее уйти. Бросив косточке в борще прощальный взгляд, встаю:

– Простите, нам пора. Приглашение на свадьбу мы вам пришлем. Оля, поехали.

Родители смотрят на ее сборы с нескрываемым ужасом. Ирина Ивановна судорожно вздыхает.

– Лялька, ты хочешь сделать нам больно?

– Нет, мама, но я люблю Анатолия.

Я хмуро смотрю от порога и замечаю в глазах Киприяныча едва сдерживаемую ярость.

– Ты решила во всем нам перечить?

Не дождавшись ответа дочери, уходит в одну из комнат своей квартиры. Преодолевая искушение его утешить, Оля берет меня под руку.

– Мамуль, мы поехали.

Ирина Ивановна отчаянно пытается не разреветься. Щелкает замок открываемой двери – Олина мама всхлипывает, и дамбу прорывает. Слезы катятся по щекам, она лихорадочно пытается вытереть их рукавом. Машет на нас рукой и удаляется вслед за мужем. Разное воспитание, разные культуры. Разные поколения. Дай им Бог!

Дорогой в Челябинск Оля грустила. Потом попросила:

– Почитай мне стихи.

– Слушай; из последнего мною написанного.

Правильнее-то прочитанного из забытого Понькой в тумбочке сборника Пушкина.

– Возвращенный в дикой простоте,

Любви не ведая страданий,

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.
С невольным пламенем ланит
Украдкой нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На фавна иногда глядит....

Совершеннолетие моей избранницы отметили в ресторане «Кавказская кухня» – мы, мои друзья и ее однокашники. Конечно, Оля в ударе, и улыбка украшает ее изумительно очерченные губы. Мы танцуем медленный танец – руки ее на моей шее, мои на ее талии.

– Ты счастлив? Скажи, что чувствуешь.

– Если честно – тревогу. Привык все держать под контролем, а рядом с тобой даже себя теряю. Но политэкономия капитализма нас учит: «Если не можешь одолеть кого-то, присоединись к нему».

– Такое твое признание в любви? – она гладит меня по волосам и тяжело вздыхает. – Трудно понять, о чем ты думаешь. Всегда такой замкнутый, как островное государство. И я пугаюсь, потому что не знаю, какое настроение у тебя будет в следующую минуту. Это сбивает меня с толку, и хочется поставить фильтр между мозгами и языком.

Ресторан мне нравится. Деревянные стулья, льняные скатерти, и стены приятного глазу цвета. Из аппарата со светомузыкой «АББА» мягко воркует о недуге под названием «любовь». Она отражает наши эмоции – радостный покой после бурного сватовства. Все вполне романтично.

– Как насчет свадьбы здесь?

– Давай попробуем обсудить наше будущее, – Оля заглядывает мне в глаза и улыбается сладко. – Например, где будет жить наша семья?

– Снимем квартиру.

– На что?

– Две стипендии, и я устраюсь на работу.

– Свадьбу сыграем, как Света и Юра?

– У меня практически целы деньги от двух стройотрядов. Думаю, перед родственниками стыдно не будет за наше брачное торжество.

– Какой ты предусмотрительный! Завтра в ЗАГС?

– Встретимся там – с утра защищаю курсовой....

Подсознание ухмыляется: «Голубки-херувимы, ёшкин корень....»

В ЗАГС я безбожно опоздал. Забодался с преподавом по курсовому, напрочь забыв обо всем на свете, и в результате – опоздал. К черту троллейбусы, такси не поймал – бегу, что есть духу, прямым маршрутом, боясь разминуться в переулках. Олю встречаю на полпути по дороге обратно. Так страшно злится, что гнев ее хоть пальцами трогай.

– Прости! Блин, курсовой!

Оля холодно щурится на меня. Ее глаза глядят проницательно, даже грозно – пленных не брать! Я уменьшаюсь в их стальном блеске.

– Может, ты женишься на своем курсовом?

– На тебе, если простишь.

– А не прощу?

– Умру холостым.

Она хмурит брови и кусает губы, потом поворачивается в сторону ЗАГСа. И даже в нем все еще злится. Мы подаем заявление. Нам назначают дату бракосочетания – первого июня текущего года. Дело сделано: мы – жених и невеста.

– Все-таки я сердита на тебя.

– Хочешь мороженого?

В кафе:

– Смотри, как уютненько. Давай здесь сыграем свадьбу.

– Давай.

Приехала Ирина Ивановна на разведку – мол, как тут у вас? На меня посмотрела, как на знакомого – общается исключительно с дочерью. Я вежливо растягиваю губы в улыбку. Они что-то обсуждают. Мама говорит горячо, с напором. Оля взволнованно слушает, кивает, качает головой и морщится. Вот она прикусила губу и поглаживает пальцами свою ладонь, словно желая успокоиться. Еще один кивок, и она бросает на меня взгляд, дарит бледную улыбку.

Мы гуляем по парку. День не воскресный, народу мало. Мягкая, мелодичная классическая музыка плывет из динамиков. Голос женщины страстно поет, вкладывая в песню свою душу. Просто дух захватывает. Ирина Ивановна мне улыбается.

– Какая будет у вас фамилия?

О господи! У вас... Магическая комбинация, маленькое, всемогущее местоимение, которое скрепляет союз. Я улыбаюсь будущей теще искренне, всей душой, от уха до уха.

Дальше пошло все как по маслу. С Ириной Ивановной мы набрасываем план необходимых мероприятий и покупок к свадьбе. Пошли в кафе, так понравившееся Оле, и арендовали его. Меню обсудили.

В какой-то момент мы остаемся вдвоем.

– Скажи, Анатолий, это у вас серьезно... с Лялькой... или по случаю?

– Вы мне не доверяете?

– Доверяю полностью твоей порядочности... Но, прости, ты не выглядишь счастливым женихом. И на Ляльку смотришь... ну, как-то не так, как должен смотреть влюбленный парень на свою невесту.

– Счастье мы собираемся строить вместе.

– Прости, не понимаю. Как так можно? А если не слюбитесь?

Я обескуражен ее отношением ко мне и моему участию в судьбе ее дочери. Да, я не очень-то разговорчив, но никого не грузю своими проблемами. То, что мы вдруг становимся родственниками, не моя воля – судьбы решение.

Появляется Оля, и Ирина Ивановна завершает диалог:

– Возможно, я заблуждаюсь на твой счет. Дай то Бог!

Мое подсознание глаголет нудно: «Ты им нужен в семью, как мотоциклу педали велосипеда». «А мы построим свою и будем дружить, если получится». Подсознание ворчит: «Только не делай вид, что не замечаешь, как избалована твоя невеста». «А кто тебе сказал, что я всю жизнь буду получать 63 р.?» «Прежде, чем высоко летать, надо по земле научиться ползать», – усмехается подсознание. «Что тебя так развеселило?» «Твое умение наживать врагов».

На следующий день мы едем в салон новобрачных. Мы – это мы с Понькой, Оля с подружкой и Ирина Ивановна с сестрой, у которой остановилась в Челябинске. Невесте платье выбираем, жениху костюм. Примеряю один, второй – все не то. Дамы в восторге, лишь Серый знает, почему я их отвергаю – брюки в «дудочку» для меня не приемлемы. И он помогает мне выпутаться из ситуации – то цвет критикует, то фасон...

Кажется, моя привередливость начинает раздражать безтрехнедель тещу. Да и я завожусь от коллективного дамского желания сделать из меня свадебное чучело. Именно таким буду выглядеть в брючках а-ля-Шурик – необъятных в поясе, длиной до щиколоток и неприлично узких в этих местах.

– Нет! – ору я на Поньку, который сует мне очередную двойку. Я сердито смотрю на шедевр элитного ширпотреба, и, не будь он неодушевленным предметом, уверен, съжился бы от ужаса под моим яростным взглядом. Все присутствующие оглядываются на меня. Оля хватает под руку плохо воспитанного кавалера:

– Что с тобой?

И подсознание вторит: «Ты орешь как медведь, которому в задницу впиалась колючка». Его игнорирую, отвечаю Оле:

– Хочу заказать костюм в ателье. Ты не против?

– А эти-то чем тебе не по нраву? Ты еще не все перемерил.

– Пожалуйста, – с ледяным спокойствием говорю, – не дави на меня.

Чувствую непомерную тяжесть обрушившейся реальности. Еще никогда мне не хотелось так остро, как сейчас, сбежать в какое-нибудь тихое место, где мог бы наедине с собой приучить себя к мысли, что я не один теперь, что обо мне будут проявлять заботу свою жена и... теща. Я содрогаюсь – ведь это на всю оставшуюся жизнь! Привыкну ли когда-нибудь, что кто-то лучше меня знает, как мне вести себя и во что одеваться?

С тяжелым сердцем освобождаю локоть из ее руки.

– Пойду, покурю.

Выхожу из салона, зная, что назад не войду – пропуск у Оли.

Она тем же вечером:

– Мама права – тебя укрощать еще и укрощать.

– Меня? Укрощать? – фыркнул я. – Время терять.

– И ты прав, – согласилась невеста. – Но давай договоримся: явишься в ЗАГС в джинсах и свитере, свадьбы не будет.

– Об этом и я: ты ведь за меня замуж выходишь, значит, должна мне верить и не опекать. Это душит. Я никогда не добьюсь ничего в жизни, если ты будешь все время вмешиваться. Мне нужна определенная свобода поступков и мыслей. Ведь я не вмешиваюсь в твои дела.

Она серьезно выслушала меня.

– Я хочу, чтобы нам было вместе хорошо.

– Знаю и понимаю. Но если мы надемся на долгое совместное счастливое будущее, то мы должны доверять друг другу и доверять нашим вкусам. Пусть твоим мнением я не прав, но дай мне возможность понять самому это и исправить ошибку – не будь наседкой. Ведь с одинаковой вероятностью можешь быть неправа и ты. Научись терпению.

Подсознание во время диалога корчит самые зверские рожи и кажет языки: «Я не подстрекатель, но вы не подеретесь».

Помотавшись по городу в поисках пошивочного ателье, в магазине одежды «Руслан и Людмила» покупаю белоснежную гипюровую рубашку – ну, ту, что в дырочках, как решето. Отдаю в мастерскую приталить и укоротить рукава. Приталили, а рукава откромсали, как штанцы петуху. Никакой возможности переделать. Я не скандалю, но настроение падает ниже плинтуса – что они могут сотворить с костюмом?

На помощь пришел Сергей Иванов – привез в ателье экстра-класс: уж он-то знает адреса! Выбрали ткань – название не скажу, но цвет глаз ласкает: что-то среднее между густо голубым и бледно синим, как волна черноморская в ясный день.

Закройщик – вылитый Паниковский, но с фамилией Бендит, предлагает фасоны пиджаков. Я ему – ворот шалевый, остальное, как сумеешь, а вот с брюками поколдуй – клеш от бедра 3,5 см. и скос на каблук 1,5 см. Как разрешил морякам дорогой наш генсек Леонид Ильич.

Под цвет костюма подобрали галстук. Посмотрим, откажется ли от свадьбы Оля, когда увидит жениха в шикарных импортных корочках на высокой платформе, с булавкой для галстука и запонками из горного хрусталя. Блин, вот запонки никто не увидит – коротки рукава гипюровой кольчужки!

Представляю изумление суженой от моего небесного вида, и лицо чуть не трескается пополам от самодовольной улыбки. Даже подсознание одобрительно кивает: «Ну, кры-са-вец! Лови момент!» Но еще надо поймать момент – кольца обручальные приобрести.

В сквере сижу у кинотеатра Пушкина – через дорогу ювелирный магазин «Алмаз». Сегодня мы были там – примерили с Олей шаблоны колечек на пальцы, чтобы размеры опре-

делить. Завтра привезут золотые. Это бывает раз в неделю, поэтому очередь в магазин желающие браковаться и прочие, до золота охочие, занимают с вечера. Вот как я. Друзья предлагали организовать сменное дежурство – по два-три часа на брата, а я им сказал: «Идите к черту! Свои семь кругов ада пройду сам».

Зеленая травка и цветы на клумбах создают сельскую идиллию. Неторопливый ветерок мягко шелестит позолоченной вечерним солнцем листвою. Все мило и навеивает покой, пахнет цветущей сиренью. Представил, как лежу на траве и гляжу в чистое голубое весеннее небо. Мысль настолько соблазнительная, что мне почему-то взгрустнулось по дому. Там, кстати, не было никаких эксцессов по поводу свадьбы-женитьбы – «знать, время пришло»; и избранницы – «тебе жить».

Время движется к полуночи. Появляется Иванов:

– Дед, я не могу тебя оставить ночью с такими деньжищами одного.

Сергея – мой друг, мой свидетель на свадьбе. Его подружка с автотракторного факультета будет свидетельницей Оли – мы так сговорились. По велению сердца ли, под давлением оценок Иванов решил после сессии перевестись на АТ.

– Серый, с музыкой разобрался?

– Вокально-инструментальный ансамбль с ПС факультета, талантливые парни и гожий репертуар. Ну, а как ты справляешься?

Это он наверняка о свадьбе – интересуют общие впечатления.

– Как с курсовым: смотришь – страшно, взялся – поехало. Правда, не всегда здорово – вчера Оля отругала за конфеты. Но друзья выручают. Борька Газизов привез из «почтового ящика» два коробка отличного вина. Жежел уступил свою комнату на втором этаже. Автомобильный картеж обещает тесть – он на Коркинской шахте какая-то шишка. Коробка коньяка, два ящика водки – упиться, не встать.

– Гулять, так гулять! Знай наших! – кивает Иван.

К открытию магазина должна приехать Оля. Но они появляются с Кмитцем, ни свет, ни заря – еще и троллейбусы не ходили. Смотрю на нее – она потрясающа, она очень красива, моя невеста. А еще понимаю, что обручальные кольца ценой бессонной ночи это не последняя трудность в нашей жизни – нам еще вместе предстоит одолеть гору конфликтов. Как вот с конфетами – купил не ее любимые. Кабы знать! Но не сомневаюсь, что мы их осилим, и впереди у нас долгая счастливая супружеская жизнь.

– Подумать только! А если бы на твоём платье в тот танцевальный вечер вдруг оказались карманы...

Оля поворачивается ко мне, бестолковому, и пытается убрать с лица веселое удивление. Не получается:

– Господи, ты так ничего и не понял! Святая наивность, а еще – председатель!

Этакий призрачный намек на то, что меня закадрили. Да теперь-то что – мы скоро станем родителями, а еще раньше мужем и женой. Я человек доброжелательный, придираюсь по пустякам точно ни не буду. Правда, подлости и предательства не прощу – здесь я тверд как скала.

– Ты меня осуждаешь? – у нее веселый настрой, и уже уверилась, что она – главный человек в моей жизни. И здесь без сомнений: кто же еще? – Так знай же, любимый: женщина с одним прощается, с другим встречается, следующего присматривает.

Да ерунда все это, ей Богу! Покупаем кольца. Последняя проблема – жильё.

Вопрос о проживании постоянно читался в глазах Оли. Я тянул, тянул... Оказалось, не зря. Когда-то я вырчил с этой комнатой Олега, теперь он меня.

– Все, что там есть – ваше, подарок на свадьбу... так сказать.

Подарила нам чета Жежелей холодильник, кровать широкую и линолеум на полу.

Хотели вместе приборку сделать, так Оле понадобились мамины советы – по интерьеру и прочая, прочая... Ирина Ивановна приехала вечером перед свадьбой.

Я было в двери им помогать – на пороге друзья:

– Ты без мальчишника хочешь улизнуть из нашего братства? Такое, приятель, не прокатит. Что? Оля ждет? Оле сейчас все объясним.

Понька пошел объяснять, остальные за стол и... пир коромыслом.

Выпили, погалдели и начали петь – не зря же Зязев гитару принес.

– Там, где клен шумит над речной волной,

Говорили мы о любви с тобой...

Когда утомленные генуборкой Оля с мамой выходят на крыльцо общежития, мы пьяной толпой вываливаемся на балкон и орем:

– Жанитьба хужей кабалы!

От ей отвернемся мы смело.

Не нада жаниться, орлы! Хо-хэй!

Ведь бабы последнее дело....!

Ирина Ивановна кивает на шалман и тоном страдающей от интриг императрицы:

– Все ясно. Не зря раньше подбирались пары из своего круга, своей песочницы. Может, одумаешься, Лялька, пока не поздно?

Лялька не отвечает. Может, и одумалась бы, но Рубикон перейден и поздно теперь боржоми пить.

Утром мне было не до песен. Но нет дрожи в коленях, и голос не сел, не хрипит – голос мой готов сказать «да». Тем не менее, парни находят во мне бледность лица и укладывают на кровать – интенсивно идет подготовка к баталии под названием «Выкуп невесты». Подтягиваются родственники в общежитие. Сват Колька Евдокимов приехал...

Жизнь все-таки удивительная штука. Порой ухахатывается над нами так, что и самому не грех рассмеяться. Я не верю в то, что кирпич обязательно упадет подлецу на голову, но верю в то, что судьба в какой-то момент захочет ухмыльнуться, похулиганить и поведет себя как трудный подросток. Когда Колька демобилизовался и нашел меня в общежитии, я сразу ему дал понять – дружба наша закончилась, и к хулиганству возврата не будет. Даже на свадьбу к нему не поехал, а он:

– Брат, мне непременно быть надо свидетелем.

– Припозднился, – говорю, – занята роль.

– Выручай, иначе мне кранты – еле-еле жену уговорил под марку свидетеля к тебе на свадьбу.

– Да у нас тут тоже не с бухты-барухты. Свидетельница, – киваю на Иванова, – его подруга, почти невеста.

Коля посмотрела на меня так, будто я его последнюю котлету сожрал, и к Сереге.

Я на подушку, глаза закрываю.

Входит бездвухчасов тесть.

Понька, репетируя роль тамады, на меня кивает:

– Вчера накирлялся, никак в чувство привести не можем.

К присутствующим:

– Парни, кто жениха на сегодня подменит?

Кондратий приобнимает моего тестя и отнимает дар речи.

Старшая сестра моя Людмила, выполняющая роль посредника, щекочет мне пятку:

– Вставай, женишок, невеста одета. Красивей еще свет не видел.

Я поднимаюсь, здороваюсь с тестем, облачаюсь в свадебные доспехи. Виктор Киприянович, прижимая ладонь к груди в области сердечной мышцы, сползает на стул без коммента-

риев. Но Понедельник не дает ему расслабиться – заряжает за букетом для невесты: хоть, мол, вы папа, но на машине.

Наконец, у противоборствующих сторон все готово, и Людмила дает отмашку – на штурм, буржуины! Олю на церемонию выкупа переселили к подругам на третий этаж – подальше от комендантской и ее обитателя, опасаясь возможных провокаций.

Сражение начинается на дальних подступах – девчонки требуют, на каждый мой шаг новое ласковое слово для любимой. Парни хором орут, заглушая меня:

– Ласточка, рыбонька, огуречик...!

Такое девчонкам не нравится – спорят, придираются, выстраиваются в цепь, не пускают. Меня поднимают, как знамя полка, и, очертя голову, идут на таран. У защитниц невесты припасены на шпиргалках куча загадок, приколов, веселых шарад – они не согласны на скорую сдачу. Но толпа ребят сминает их, теснит от двери – свалка, почти потасовка. Свидетельница, как лайка в медведя, вцепилась зубами в грудь свидетеля. Впрочем, его алую ленту вижу на свате – дотошный, малый...

– Целуй их, братва! – Зязев орет, и девчонки сдаются – отступают, повизгивая, вглубь коридора.

Наконец, я в комнате, перед невестой. Действительно, в подвенечном платье Оля смотрится просто божественно. Мне даже не верится – она ли это? моя ли свадьба с этой принцессой? Хочется пасть на колени, вручая букет. Тянусь поцеловать, а мне запрещают:

– Нельзя! Нельзя! Сначала в ЗАГС!

Идем к машинам. Перед общежитием нас провожает толпа народа. Огромная, как демонстрация! Приятно, черт возьми! Но мне не до них – я люблю свою избранницу, и налюбоваться никак не могу. Хочу сказать: «Милая, никогда не снимай это белое платье, и никогда не угаснет огонь восторга в моих глазах».

Колька садится рядом с водителем – на лицах невесты и свидетельницы недоумение. Пожимаю плечами – мол, сами сменились, меня не спросили.

В ЗАГСе все, как и надо – торжественно, чинно, отлажено. Мы расписываемся, свидетели тоже. Целуемся, наконец, под Мендельсона. Пьем шампанское. Едем кататься, возлагаем цветы – бетонному Ленину и Скорбящим Матерям.

На пороге кафе нас встречают мои родители с караваем – кто больше цапнет, тот и хозяином в доме. Цапнула Оля – я не против.

Все традиции соблюдены. Садимся, пируем – ВИА играет, Понька тамадит, гости виновников торжества поздравляют и заставляют нас с Олей плясать – «вальс», «цыганочку», «яблочко» и... твою же мать! Сколько можно – пляшите сами: не в цирк-шапито пришли, и мы вам не артисты!

Тесть задвинул продвинутый тост – что, мол, должны мы по жизни стать друзьями, любовниками и... Отец мой морщится – так ненавистно ему слово «любовник».

Предложили мне сказать – маху дал. Вместо «спасибо дорогим гостям, что удостоили...» благодарю родителей за прекрасную жену. Тестя от моей благодарности снова корежит. Кто-то подсказывает: «До брачной ночи такое не говорят». А ведь верно, блин!

Из застольных бесед новых родственников.

– Ну и ладно – что родили, то и выросло. И мне почему-то совсем не стыдно.

– Нужно чаще вспоминать себя в молодости, и тогда поступки наших детей не покажутся такими ужасными, а поведение – безрассудным.

– Стоит прислушиваться к умным людям! В этом и заключается зрелость ума.

– Важно, чтобы молодые сразу поняли, что при отсутствии компромисса ни за что не построишь счастливую семью.

– Есть непреложная истина – если ты хочешь что-то получить, нужно сначала что-то отдать.

- И еще одно условие счастья – дети должны жить отдельно от родителей.
- Можно и вместе. Просто надо научиться терпеть. Сложно зятя любить – за что, объясните? Ведь просто так любят только своих детей и кровных родственников!
- Нынешняя молодежь не очень-то терпелива.
- Главное, чтобы знали – очищенная и сваренная картошка гораздо вкусней сырой.
- Я понимаю любовь так: любовь – это забота о близком человеке. Любовь – это внимание. Любовь – это желание доставить любимому радость и удовольствие. Даже в ущерб своим интересам. Любовь – это чувство долга, а не вздохи на скамейке и не прогулки при луне.
- Кроме любви, есть еще организация жизни. Ведь и в раю бывают дождливые дни.
- Неплохо бы сразу выяснить – кто в доме играет первую скрипку. Женщина всегда тоньше, чувствительней и логичней мужчины. И никто меня в этом не переубедит. И еще – женщина выносливей, жизнеспособней и сильней.
- Может быть, вам не повезло с мужем?
- Почти у всех сильных и значимых женщин вполне заурядные мужья. И ровно наоборот. Не замечали?
- Чтобы не ныть и не жаловаться на жизнь надо поменьше жалеть мужиков и поменьше брать на себя.
- А кто тогда нас пожалеет, как не самые близкие нам люди?
- Очень разные бывают на свете люди! Кому-то надо одно, а кому-то обратное. И это не значит вовсе, что кто-то плох, а кто-то хорош. Просто надо это понять. А если понять не получается, то тогда просто принять. И все встанет на свои места. Все очень просто!
- Как отраднo, когда у людей человеческие лица, действия и поступки. Как-то на душе становится легче и светлее. Проще жить.
- Что поделаешь, каждому – свое!
- И дальше в таком же духе, в таком разрезе, как говорил великий Райкин.
- Из всего факультетского начальства приглашением удостоили только декана – он не пришел, а явился Маркин. Стал ко мне приставать – выпей да выпей со мною (с ним, то есть) водки. Выпил, чтоб отвязался. Оля надулась и попросила Кmiteца ее похитить. Только кликнули клич «Невесту украли!», тут же ведет ее из подсобных комнат самозванный свидетель. Потом появляется бедный и бледный Кmiteц с отпечатком подошвы на пиджаке. Еще повезло – Колька мог бы так и в лицо. Вскоре он совсем напился, и старший брат его (мой зять) стал уговаривать меня проводить его в общагу проспаться. Это как – бросив на свадьбе молодую жену? Ну и ну!
- Но роль свадебного буяна досталась-таки не ему. Из общаги притопал обескураженный интеллектom бывший морпех Юра Марченко с поздравлениями молодоженам. Бдительные друзья перехватили его у порога – поили, поили... потом на себе утащили в общагу.... Свадьба без драки оказалась.
- Торжество покатилоь к финалу.
- Нормальные гости уходят нормально – благодарят, поздравляют. Говорят – все чудесно, стол замечательный, жених, как и надо, невеста красавица. Мы им киваем – Оля жметя ко мне, я ее нежно обнимаю.
- Даже Ирина Ивановна довольна:
- Толя за Лялькой как за уточкой селезень....
- И я ею – хоть статусом тещи, но иногда объективна. С тестем сложнее.
- Кто-то уходил по-английски. Но и мы не последними.
- Наконец-то вдвоем в своей комнатке – чистенькой и уютной, только маленькой! – просто домик дядюшки Тыквы.
- Как тебе свадьба? Веселей поминок?
- Слава Богу! Нам еще завтра день отстоять.

Назавтра в комнате моей накрыли стол для других гостей – однокашников наших с Олей. Все веселятся, швыряют в нас мелочью, а нам с Олей задали работу – она, сидя на моем плече, снимает с потолка приклеенные купюры. Потом подметаем пол.

Нарезки, два таза салатов, ящик водки улетают мигом. Мы пересчитываем «дары волхвов», добавляем и посылаем за «горючим», хлебом, вареной колбасой. Всем шалманом идем на природу. Искупались в карьере, развели костер.

Признаться, мы с Олей уже устали быть в центре внимания – принимать поздравления, уваживать причуды гостей. Дальше плыли по течению – нам было почти все равно: просто надо было пережить это событие и все.

Лялька озябла в легком платье. У меня разболелась голова, и язык заплетается, хотя практически спиртного в рот не брал – так, чуть-чуть, чисто символически. Однокашники отрываются вовсю, и мы начинаем их потихонечку ненавидеть: у нас дал отмашку медовый месяц, а эти все пьют да галдят. Сколько можно! Когда это кончится? Нам еще предстоит на Розе День Третий, а потом в Увелке Четвертый. Так запланировали, но теперь боимся – осилим ли? Кабы не сессия, удрали бы в свадебное путешествие.

Господи, помилуй мя грешного! Ведь впереди сплошной позитив – потрясающая жена, замечательные родители, вполне разумная теща и вменяемый тесть, учеба, жизнь в общегитии среди друзей. Мы молоды и здоровы. Сколько еще будет прекрасного и необыкновенного, если переживем эти суровые дни. Хотя подсознание утверждает обратное: «Четыре дня праздника и все – дальше сплошное „устройство“ жизни. Суровая проза. Разум и логика без романтики. Короче – неистребимый день сурка».

Почему так хреново-тоскливо на собственной свадьбе? Почему? Может, я просто разочился радоваться жизни? Или устал? Потерял себя? Жить перестал – начал служить мужем в семье? Ведь когда человек служит, он непременно пригибается. И веру теряет в себя, и уверенность. Или мои проблемы серьезней? И мне нужен совет по душевному устройству? Ау, подсознание, напилось что ли? Или все проще простого? Сердце – вещун: глубоко сидит, далеко глядит....

Свадьба принцессы и свинопаса переезжает в Розу – День Третий.

Может, зря я так? Нормальные люди – теща приветлива, тесть папой не смотрит, но старается быть объективным. Как говорится, стерпится-слюбится.

Оля доложила о дне вчерашнем и спать. Я прикорнул на диване в зале.

Чуткие родители не стали нас беспокоить застольем – поняли, как мы устали.

Вечером позвонили в Увелку – пообещались приехать как-нибудь после сессии.

3

Наверное, есть какой-то жизненный закон компенсации. Когда не стало у меня студсовета, появилась жена, которая заполнила образовавшийся вакуум. Пусть другими заботами, но под завязку заполнен каждый мой новый день – волнуясь чему-то, куда-то все время спешу, решаю задачи, ломаю голову над ответами.

Получив на меня юридические права, Оля первым делом захотела узнать:

– В твоей жизни было много женщин?

Я ответил, что влюблялся трижды – один раз подростком в спортивном лагере, потом школьником в выпускном классе, и еще на границе в девочку-мечту, на которую запали все моряки нашего ПСКА.

– Остальное – естественный физиологический фон: как поллюции – кто их считает?

– И в чем же глубокий смысл твоего ответа?

– Я знаю, о чем ты думаешь. Да, мое отношение к тебе мало похоже на страсть, но, по крайней мере, исполнено уважения. Пусть у меня не ноет сердце целый день из-за твоего отсутствия, потому что уверен – мы обязательно увидимся вечером. У нас нормальные человеческие отношения и перспективы создания крепкой семьи.

Признание было чистосердечным, ибо я знал, что для нас, Агарковых, не существует ничего более завершеного, чем супружеские отношения, которые преодолевая время, смиряются с тем, что на смену страсти приходят привязанность и обязанность перед семьей. Отец, не смущаясь мамы, рассказывал, как без памяти был влюблен в госпитале Самарканда после ранения на фронте. Не остался в благодатном краю только желанием помочь престарелой матери на Южном Урале. Как это объяснить романтической жене?

– Вот так, значит? Получи, дорогая!

– Я не хотел тебя обидеть.

– Когда захочешь, предупреди. А то у тебя и так все слишком здорово получается.

И что же дальше?

Что дальше?

Примерно в те же дни, когда я сделал предложение Оле, мне сделал предложение доцент кафедры «Автоматические установки» Васильев В. В.

– Анатолий Агарков? Мне надо с вами поговорить.

– По-моему, вы это уже делаете.

– Разговор долгий.

– Я не спешу.

– Присядем?

Присели в пустой аудитории.

– Чем могу быть полезен? – спросил я кандидата наук.

– Заразился одной идеей – хочу и вас, так сказать, инфицировать.

Выслушав историю его болезни, заявил:

– Дважды я был в стройотрядах – суперуспешных, надо сказать – и если поеду еще раз, то не за запахом тайги или поиграть в «Зарницу». Надеюсь, понятно выражаюсь?

Доцент меланхолично улыбнулся. Он хотел быть честным до конца и признал – действительно, лично он собирается на великую стройку БАМ за романтикой: поохотиться, порыбачить, надыхаться дыма костров и озона таежного. Он командиром готов предварительно слетать заключить договор, а моя комиссарская задача – собрать ребят, организовать работу и заработать.

Когда сообщил Оле о своем намерении после сессии съездить на БАМ, моя милая надула губки.

– Последнее свободное лето, и нам нелишними будут деньги, – убеждал.

Мы сидели в кафе-мороженое, Оля опустила глаза, в которых были тоска и разочарование, сосредоточенно разглядывая креманку.

– Будь добра, не делай такое лицо. Просто прими то, что есть, и прости: иногда я бываю настолько упертый, что сам себя с трудом выношу.

– Ты хочешь мне предоставить возможность поупражняться в собственном идиотизме? Или я что-то пропустила, и ты сейчас мне все объяснишь?

– Попробуй понять такую мысль: нужно любить не человека, с которым соединяешь судьбу, а жизнь, которую придется вести с ним, разделяя его желания, стремления, имея общие цели и мечты. Чтобы любить, нужно набраться терпения.

– Как насчет моих желаний с мечтаньями?

– Давай обсудим. Какие у тебя планы на лето?

– Планы мои всегдашние: гулять, болтать и всячески бездельничать, – потом подумав. – Пожалуй, отпущу тебя в Сибирь, если у нас будет красивая свадьба, и медовый месяц мы проведем вместе.

Все загаданное было исполнено, хотя противоэнцефалитные прививки в медовый месяц не самая уместная процедура.

Тем не менее, в день отъезда Лялька закатила «концерт».

– Я не представляю себе наше будущее.

– «Будущее» – среднего рода и потому понятие весьма неопределенное. Попробуем для начала другое – просто «совместная жизнь». Это звучит более реалистично и конструктивно.

– Ты плюешь на мои чувства! Наши отношения, предполагавшие взаимность, приобретают односторонний характер. Оказывается, это я должна подстраиваться под твоё расписание и перепады твоего настроения, разделять твои желания и беспокойства, переживать твои неудачи. Ты не перепутал, дорогой, кто из нас в интересном положении? И вообще, признайся – ты женился на мне только из-за ребенка!

– Так для тебя вся проблема в этом?

Обида жены делала ее и сильной, и уязвимой одновременно – она была как ежик, свернувшийся в клубок, чтобы отпугнуть иголками приближающуюся машину судьбы.

– Мало? И это ты мне говоришь? Ты, который, несмотря на всю мою любовь, не смог для меня отыскать маломальского места в своем сердце? Знаешь, нет худшего одиночества, чем одиночество вдвоем. Это ведь абсурд и надругательство над здравым смыслом! Из кожи лезу вон, чтоб тебе понравиться, а ты по-прежнему в упор меня не замечаешь: ты видишь только себя, свои желания и устремления. И, не смотря на все это, я все равно люблю тебя.

– А говоришь так, будто бросить хочешь.

– Я думаю об этом каждое утро, которое приближает нас к разлуке – каждое утро, когда ты тщательно облачаешься в свое одиночество и уходишь, с радостью хватаясь за любой предлог и выискивая любую лазейку, чтоб еще больше отдалиться. А я остаюсь одна, со всеми своими океанами счастья, по которым мечтала плыть вместе с тобой. Ты когда-нибудь перестанешь прятать свои эмоции, суровый мой председатель?

– Ты уже устала от меня?

– Мне кажется, твой мир вертится в противоположную сторону вращения Земли – у тебя все не как у людей.

– Да что такое произошло? С чего ты вдруг мне все это говоришь?

– Ровным счетом ни с чего. Только ты улетаешь сегодня на БАМ, так и не убедив, чтолюбишь меня.

Что мне сказать? Что любовь – это зависимость даже для самых покорных? Что не стрела Амура, а полоска бумаги, определенным образом изменившая цвет, изменила и нашу судьбу?

Приехал тесть, скатать нас искупаться – Лялька обрадовалась, но глаза ее оставались невеселыми. Молчала на пляже, настойчиво игнорируя все мои знаки внимания. Обстановка на солнечном берегу начала угнетать. Виктор Киприянович заметил.

– Поскандалили? Но если не орать на своего мужа, к чему тогда выходить замуж?

Оля изумленно уставилась на него.

– Я пытаюсь шутить, – пояснил тесть.

– Скуда (все записано верно – это их семейное выражение) хорошее настроение?

– По закону парадокса: ты можешь стать женой, матерью, бабушкой, но покуда я жив, будешь дочкой – маленькой и любимой. Думаешь, зачем мы тебя рожали? Чтобы любить – целовать и тискать. И вообще, за все, что происходит теперь с тобой, надо бы хорошенько отшлепать твою мать.

Виновника его печали будто и рядом не лежало.

Шасси самолета коснулись посадочной полосы аэродрома Иркутска в одиннадцать часов местного времени. Тем же днем улететь в Тынду не удалось – мы заночевали в общежитии ИПИ (Иркутского политехнического института): обстановка знакомая, и денег не взяли. Но вот клопы...

В полночь по-местному с телеграфа дозвонился в Розу.

– Привет. Не спишь?

– Сколько у вас? Ты не устал, – поинтересовалась Оля.

– Нет. Я нормально переносу полеты. Ты как?

– Мне не нравится, что ты в чужом городе без меня. Там полно девочек с фигурками Элизабет Тейлор, а у меня живот растет.

– Он уже шевелится, наш ребенок? Скучаю по вам.

– Мы по тебе тоже. Очень. У тебя странный голос.

– Наверное, связь такая. Береги себя...

Диалог надо было прекращать, потому что сбилось дыхание.

Бог мой! До меня только что дошло – я говорю и делаю все не так.

Вылет в Тынду задержали еще на сутки. Появилась возможность осмотреть город, прокатится на катере по Байкалу. Что мы и сделали, не вернувшись в общагу – заночевали в Листвянке, на границе тайги и Славного Моря, взяв напрокат палатки.

Народ ликовал, меня угнетало.

– Что с тобой, комиссар? Почему похоронный вид?

– Просто устал. Человек не всегда может быть в форме.

«Форму» мою изводит осознание допущенных ошибок.

Итак, вечер, берег Байкала, водка из кружки и ностальгия.

Память часто так шутит – цепляется за какую-то незначительную деталь из настоящего, и раз – ты уже не здесь, а в тех временах, которые были, и, казалось, забыты. Любуясь закатной дорожкой солнца на водной глади, вспомнил рассказ отца – его объяснение в любви моей матери.

Победитель Японии предложил девице колхозной:

– Ищу мать своим будущим детям – если согласна рожать их, выходи за меня.

Возможно, мама так и не стала любимой женщиной моего отца, но она всегда была матерью его обожаемых детей. Чадолубие – это у нас семейное. А любовь?

Знаю, мама в нашей ситуации сказала бы отцу:

– Езжай, спокойно работай. Я буду ждать и справлюсь одна.

Никаких упреков: у нее своих забот полон рот – вести хозяйство, хранить дом, печь хлеб, стирать, убирать, готовить, кормить и растить детей. И мы с сестрой крутились вокруг мамы – чем могли, помогали, никакую работу не считая в тягость: корову подоить, ей травы подкормить.

силь или цыплят от коршуна стеречь. Это было детство голубое – такая пора, когда за пенку от варения жизни не жалко. А любовь в романах хороша.

От кого-то слышал – у всех Оль тяжелая женская доля: не очень-то счастливы они в жизни. Моя жена должна стать исключением. Это задача партии и правительства, и я исполню ее на «отлично». Дело чести и долга. Только вот пока что-то плохо получается – я стараюсь, а она ни в какую не делается счастливой. В чем засада?

Или муж для нее не хорош? Пойдем по пунктам.

– Нас, Агарковых, жена – пусть самая лучшая из всех женщин мира – интересует, прежде всего, как мать детей наших общих.

– В этом плане, если есть место выбору, предпочтение отдается не красоте-уму-женственности, а доминирующему чувству материнства.

– Поиски счастья с одной-другой-третьей и так далее полностью исключаются, если в семье появились дети – выбор сделан: любил-разлюбил отменяется; признается – люблю и буду любить всегда.

– Какие-то проступки антисемейного характера никому из супругов не допускать, а уж коль случится, надо уметь прощать в интересах семьи.

– Задача – подобное отношение к совместной жизни попытаться привить своей половине.

– Считать эти правила семейным кодексом Агарковых.

Кто «за»? Голосую. Единогласно!

«Все это прокатило бы, – кривится подсознание, – с барышней твоего круга. Избранница наша – интеллигенция третьего поколения. Это культура, премудрый ты мой, она выпитывается с молоком матери, и никакими Уставами ее не задавишь. Хочешь, по пунктам разложу ее ответы на твои бредни?»

«Валяй»

«Жена скажет на твои морали:

– Я не свиноматка, а женщина, которая хочет любить и любимой быть.

– Замужество – это не рабство; поиски счастья – пожизненная привилегия любого живущего.

– Если ты утратишь роль моего идеала, я займусь поисками другого.

– Детям не будет счастья в семье, где жена презирает своего мужа.

Достаточно? Убедил?»

«И что же делать?»

«Присмотришь к тестю – как он относится к своей половине. У девочек из хороших семей папа в большом авторитете. Может, и выбор ее пал на тебя из-за какой-то схожести с ее отцом».

«Боже! Какие сложности! А быть самому себе идеалом?»

«Слишком просто. Для этого даже не надо чистить зубы».

«Ну и как же стать идеалом в глазах собственной жены?»

«Хочу обратить твое внимание, что не ум, не сила в приоритете у женщин, а, как это ни парадоксально, внешность мужчины – с нее начинается зона любви».

«Думал, ты скажешь – 24 часа в сутки глядеть в глаза, глядя ручку, и мурлыкать: „единственная моя“...»

«Для этого тебе стоит напиться – тогда ты становишься пылким и страстным, открытым и прямолинейным, человеком эмоций, как джин из бутылки. Таких тоже любят, но недолго. В реальной жизни, если хочешь убедить женщину в искренней любви к ней, надо быть готовым идти на компромиссы со своими чувствами и привычками: тут сдержат себя; с этим смириться; на это закрыть глаза. Постоянно приспосабливаться к окружающей обстановке – ежедневно разыгрывать сотни эпизодических ролей на подмостках обыденности, быть канатоходцем, постоянно что-то уравнивать, взвешивать, чтобы не разрушить создаваемую конструкцию. Гораздо проще – взять и влюбиться, то есть полностью сконцентрироваться

на „женщине всей жизни“, на избранной, обожаемой. Тогда тебе многое простится, а остальное решится само».

«У нас нормальный, здоровый брак. Какого тебе черта надо?»

«Я тебе так скажу – если любые слова жены пусть даже самые занудо-ругательские звучат как соловьиные трели, а не кудахтаньем, то ты ее любишь. Готов признать, что супруга твоя курицей быть не может?»

«Не получится так, что полюблю некий фантом, призрак вместо реальной женщины, увидев которую, окончательно разочаруюсь в этом браке? Ты уверен, что от любви настоящей к своей жене, жизнь моя станет легче мешка цемента, а сам я из сатирика-реалиста не превращусь в мелодраматика? А вдруг от такой страсти сердце пробьет грудную клетку?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.